

КОРРУПЦИЯ КАК ОСОБАЯ ФОРМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО И МОРАЛЬНОГО НАСИЛИЯ НАД ЛИЧНОСТЬЮ

© 2020

А.Г. Абдуллин, доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры теоретической и прикладной психологии
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск (Россия)
В.В. Лихолетов, доктор педагогических наук, кандидат технических наук, доцент,
профессор кафедры «Экономическая безопасность»
Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск (Россия)

Ключевые слова: коррупция; личность человека; психологическое и моральное насилие; идеалы свободы, достоинства и справедливости; психологическая самозащита человека.

Аннотация: Исследование посвящено слабоизученной области психологических проблем – психологии коррупции. Цель работы – проведение первичного анализа проблемы коррупции как особой формы психологического и морального насилия, рассмотрение ее индивидуально- и социопсихологических аспектов. Обсуждаются философские, биопсихологические и социокультурные грани феномена насилия. Проводится анализ проблем коррупции как особой формы психологического и морального насилия над личностью человека, рассмотрены индивидуально- и социопсихологические аспекты этого вида насилия. С позиций историко-культурной эволюции черт российской ментальности прослеживается нелегкий путь институционального признания в России базовых идеалов человека – его свободы, чести и достоинства. Проведен анализ воздействия отечественной коррупции разных уровней (от бытовой до идейной) как формы психологического и морального насилия на представителей всех возрастных и профессионально-деловых групп российского общества: от детей и подростков до лиц пенсионного возраста, от инноваторов до предпринимателей. Выявлен спектр морально-психологических травм, порождаемых встречах людей с коррупционными проявлениями в социально-экономической жизни страны. Рассмотрен ряд способов психологической самозащиты личности, включающий распространенные средства народного фольклора, ненормативной лексики и юмора, а также средства современных социальных сетей. Отмечено, что психотерапевтический эффект последних сегодня активно исследуется представителями психолого-медицинской науки. В ходе анализа базовых терминов исследуемой области сделано предложение о возможности формирования на их основе комбинации тематики перспективных научных проектов в сфере психологии.

ВВЕДЕНИЕ

Согласно ст. 1 Закона России от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» под коррупцией понимается «злоупотребление служебным положением, дача и получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом должностного положения» и т. д. Но ученые считают ограниченным подход, определяющий коррупцию лишь как злоупотребление служебным положением, и предлагают разграничивать понятия «коррупция» и «коррупционные отношения» [1]. Отождествление коррупции только со взятками «скрывает масштабы институциональной коррупции». Более того, исследователи отмечают расширение «объекта» коррупции. Цели коррупционеров уже включают в круг их притязаний переизбрание на выборах, сохранение должностей, новые деловые возможности [2]. Коррупция – феномен, включающий социально-экономический, политико-правовой, морально-этический и психолого-управленческий аспекты. В мире у нее есть различия из-за культурно-исторических, религиозно-нравственных и иных причин. Отсюда ясно, что проблемы коррупции можно решить лишь общими усилиями науки и образования, общества и власти.

Психология недавно присоединилась к исследованию коррупции [3]. В литературе пока преобладают результаты исследований коррупции с позиций экономики, политики и права. Ученые часто анализируют ее экономико-правовые и политико-социологические аспекты, игнорируя психологические. Большинство пред-

лагаемых мер борьбы с коррупцией также не учитывает важности решения проблем индивидуально-психологического и социально-психологического свойства. В рамках сложившихся подходов анализа феномена коррупции можно видеть, что она в целом являет некий дефект системы (государства, общества, экономико-правовой системы и т. п.). Обобщенно коррупцию справедливо рассматривают как меру социальной неэффективности [4]. С этих позиций Национальная стратегия противодействия коррупции (см. Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460) выглядит слабо функциональной. Декларируя «большие намерения», она не содержит четких индикаторов их реализации. Поэтому указанная в ней цель – «искоренение» причин, порождающих коррупцию, видится ученым объективно недостижимой.

Даже в лоне экономических исследований появляются работы, указывающие на необходимость анализа проблемы коррупции на стыке психологии, социологии и медицины. В их числе есть труды, посвященные эффектам контагиозности – распространения коррупции подобно болезни. В них можно заметить «переключку» с рядом социально-психологических и медицинских работ зарубежных и отечественных авторов, рассмотренных нами ранее [5]. Делаются выводы о том, что изворотливость современных взяточников, их пренебрежение моралью, часто замешанное на аддиктивных позывах, сходных с игроманией, задают борцам с коррупцией нелегкую задачу их возвращения в мир общечеловеческих ценностей. Обсуждаются непростые вопросы. Так, например, в случае квалифицировании

«взяточности» как клептомании для избавления от нее требуется врачебный арсенал средств. Но если психиатр усматривает в поступках человека корысть, то это точно не клептомания. При обнаружении у взяточника плана действий симптом болезни отмечается начисто. Тогда и «лечение» нужно иное – лишь тюрьма «возвращает» эту личность в реальность [6].

Коррупция не только трудноизлечимая, но и заразная болезнь. Механизм влияния людей друг на друга «работает» на уровне подсознательных представлений о норме и поведенческих сигналов. Например, испытываемые с нормальным аппетитом, вида прожорливых людей, стараются есть больше. Схожий эффект отмечен в отношении агрессивности. По Н.А. Кристакису и Д. Фаулери, ответственными за передачу состояний могут быть «зеркальные нейроны» – они побуждают нас копировать действия и эмоции окружающих [7]. Исследователи не исключают применения этой теории для объяснения вирусного распространения коррупционного поведения¹.

В лоне разработок по психологии коррупции сегодня выделены следующие составляющие: 1) психология коррупционеров; 2) психология дающих взятки; 3) анализ отношения общества к проблеме коррупции; 4) исследования социально-психологических процессов, влияющих на коррупцию [8]. Любопытно, но многие сотрудники правоохранительных органов, осужденные за взятки, отрицают свои поступки как преступление. Этот результат вытекает из терпимости наших людей к коррупции как к укоренившемуся злу. Возмущение вызывают уже не акты коррупции, а запредельные размеры взяток («тонны» денег в уголовных делах А.В. Хорошавина, Д.В. Захарченко, К.В. Черкалина и др.). «Работает» известная система двойных стандартов: «я и мое окружение – другие» [8, с. 58], то есть свои поступки и поступки своих близких человек воспринимает лишь как вынужденный ответ на действие объективных обстоятельств. Клановость и кумовщина, характерные для нашей культуры, никак не преследуются законом и даже провоцируют создание массовой коррупционной среды. На смену коррупционеру-одиночке уже пришли неформальные структуры – коррупционные сети. Многочисленность участников сети резко снижает чувство вины («с волками жить – по-волчьи выть»), а также риск испортить репутацию в случае разоблачения. При этом ставшая нормой аморальность подрывает нравственные нормы. При совершении коррупционных сделок человек уже считает аморальным поступком нарушение данного обещания – то есть можно убить, но обмануть, предать – нельзя (!) [9].

Таким образом, представителями большого числа социальных наук доказано, что коррупция – зло существенное, разрушающее общество путем отрицательно-го влияния на духовность и нравственность.

Цель исследования – проведение первичного анализа проблемы коррупции как особой формы психологического и морального насилия, рассмотрение ее индивидуально- и социопсихологических аспектов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Понятийный аппарат исследования. Рассмотрим в составе исходных дефиниций понятия «сила», «социальная сила», «насилие», психологическое насилие», «моральное насилие». В лоне философской мысли уже было много попыток объяснить природу силы, способной уничтожить жизненные планы человека. В античности ее даже именовали словом «фатум» (от лат. *fatum* – судьба). Насилие лежит в природе человека, но его реализация носит общественный характер. По Т. Гоббсу, люди от природы подвержены жадности и иным страстям, действуют «ради пользы или славы, то есть ради любви к себе» [10, с. 300–301]. Причина в том, что люди «по природе лишены воспитания и не обучены подчиняться рассудку» [10, с. 292]. Здесь важно отметить, что и современные теории связывают насилие с природой человека [11].

И. Кант определял силу как способность преодолеть «сопротивление того, что само обладает силой» [12, с. 268]. В начале XIX века материальное толкование природы этой силы, названной социальной, было дано К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии», а также в главах «Анти-Дюринга». Марксизм называл насилие «повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым» [13, с. 761]. По марксистскому толкованию социальная сила стихийно возникает (а потому и находится вне контроля людей), а затем начинает развиваться по своим законам благодаря разделению труда в совместной их деятельности. Именно она образует основу насилия, хотя сама насилием не является. Социальная сила лишь тогда становится насилием, когда начинает использоваться частью общества в своих интересах для установления доминирования в обществе, для подавления выступлений других классов и групп людей, недовольных своим существующим положением в обществе [14].

При этом философы делают оговорку, что насилие надо отличать от властных отношений – патернализма и правового принуждения. Последние считаются легитимными, так как «на них получено (могло бы быть получено) согласие тех, против кого оно направлено» [15, с. 15]. Полемизируя с А.А. Гусейновым, Н.П. Рагозин пишет, что в отличие от этих форм принуждения насилие «есть действие, на которое в принципе не может быть получено согласие тех, против кого оно направлено, ибо не считается с их целями, правами, интересами» [14, с. 83]. В качестве примера Н.П. Рагозин отмечает, что современные средства информации и массовой коммуникации позволяют господствующему классу осуществлять над людьми такое, по мысли А.А. Гусейнова, «полунасилие» или «косвенное насилие», которое «напрочь лишает их способности сопротивляться всякому насилию, а, значит, и избавляет от необходимости прибегать к брутальным формам насилия» [14, с. 84].

А.А. Гусейнов также пишет о насилии как «предмете индивидуального ответственного поведения», оно «может быть вменено в вину тому, кто его совершает» [16, с. 19.]. Но, если исходить из его теории, по которой в каждом из нас добро смешано со злом и потому никто не имеет права определять, что есть что [17], можно при анализе конкретных проблем с позиций абстрактных индивидов утратить определенность не только

¹ (Смолин А. Взятки сводят с ума // РАПСИ. Российское агентство правовой и судебной информации. URL: rapsinews.ru/incident_publication/20130805/268448798.html.)

моральной оценки проблемы, но и моральной оценки самих индивидов. Абстрактно трактуемое ненасилие имеет свойство превращаться в свою противоположность. Яркой демонстрацией такого превращения стала реализация программы Д. Шарпа [18], который в 1990-е годы был представлен в нашей стране в качестве видного современного теоретика ненасилия. Весь мир вздрогнул, когда убедился, что его якобы «ненасильственная» программа весьма успешно (при этом насильственно!) использовалась для организации «цветных революций» во многих странах [14].

Иной вариант этики ненасилия дан Р.Г. Апресяном, где она соотносится не с категорией добра, а справедливости. Он пишет: «Противостоять насилию – моральная обязанность человека» [19, с. 144]. Сохраняя негативную оценку насилия, он даже допускает морально оправданное использование силы против насилия. При этом сила не должна применяться инициативно, но в случае действий, направленных против насилия, «при неэффективности несиловых методов допустимо и необходимо применение силовых методов» [19, с. 143].

Насилие двойственно: оно «одновременно проявляется в общечеловеческом и индивидуально человеческом (рефлексивном) аспектах» [11, с. 109–110]. Однако насилие всегда и везде реализуется в конкретных формах и есть отражение системы исторически сложившихся, но биопсихологически определенных социальных отношений, в основе которых лежат рефлексии, выраженные в форме потребности к превосходству, соперничеству и власти. «К некоторым проявлениям таких потребностей, – пишет Г.С. Табадзе, – общество уже привыкло, они даже стали частью культуры, традицией и нормой» [11, с. 115].

Связь коррупции, насилия и ментальных черт народов России с историко-культурным прошлым страны. Проблематика коррупции и насилия тесно связана с историей страны и традициями в обществе. Хотя после распада СССР изменился курс власти, ряд моральных и психоэмоциональных черт из-за живучести социальных идеалов сочетают новое со старым. Коррупция пронизывает всю жизнь страны, поэтому ее подразделяют на: а) бытовую (низовую); б) во взаимодействии властей разного уровня (от муниципального до федерального) и бизнеса; в) в судебной системе; г) в верховной власти. Подразделяют ее и на более крупные категории: экономическую и политическую коррупцию. Разновидность последней – идейная коррупция – главная угроза национальной безопасности. Ее «продукты»: произвол чиновников на выбор целей и средств действий; низкое качество государственных решений; декларативность и популизм политиков, использование «удобных людей», подчиняющихся идеологическим установкам. Особо цинична коррупция в судебной системе, она подрывает саму основу социальной справедливости, а ее последствия наиболее чувствительны для людей.

Есть два крайних подхода к пониманию насилия – широкий и узкий. По первому из них человек живет в мире насилия, а второй сводит насилие к конкретным насильственным действиям (бездействию), в результате чего возникает ущерб, наносимый людьми друг другу. Парадоксально, но сегодня психологическое и мораль-

ное насилие над личностью находится вне системы строгих определений. Ученые предлагают терминовать их в связке с понятиями агрессии, вреда (ущерба, травмы) и манипуляции. Интересна мысль о сравнении психических явлений в сравнении с физическими и поведенческими аспектами, а также парности категорий при анализе насилия: «явное – скрытое», «осознаваемое – неосознаваемое», «намеренное – непреднамеренное», «целенаправленное – случайное», «рефлекторное – рефлексивное» [20]. В свете этого у нас возникло предложение, что даже простейшие комбинаторные варианты соединения перечисленных выше категорий и терминов друг с другом и их проецирование через призму коррупции могут составить обширное поле перспективных исследовательских проектов в сфере психологии.

В психотерапии есть термин «психотравма» – результат собственно психологического насилия, а также итог встречи личности с силами природно-техногенного характера, военных действий и пр. Другой важный термин – «психологическая манипуляция» – долгое время (вплоть до появления результатов исследований, проведенных Е.Л. Доценко [21]) использовался в психологической литературе преимущественно с негативной коннотацией.

Смысл психологического ущерба полно раскрыт в определении психологической безопасности, данном Т.С. Кабаченко [22]. Ясно, что в понятие психологического насилия входят не только негативные психологические воздействия прямого характера, но и манипулятивные, весьма скрытно наносящие вред человеку. Так, например, в сфере исследований религиозных движений чаще используются термины «контроля сознания», «реформирования мышления», «принудительного убеждения» и т. п., чем собственно понятие «психологическое насилие» [20, с. 88]. К настоящему времени появились достаточно корректные определения психологической агрессии и насилия (таблица 1).

В менталитете народов России живо представление о «золотой середине» – приоритетной позиции на шкале материального состояния (а также сознания): «нищета – бедность – достаток – богатство – роскошь». Оно нашло отражение в распространенном в повседневном обиходе пожелании всех нормальных людей друг другу – «жить как люди». Речь идет об уникальной ценности достатка – в материальном и нравственном смыслах [23]. Здесь вполне уместна мысль-афоризм Ф.М. Достоевского, что о русском народе надо судить не по мерзостям, которые он часто делает, а по тем святым вещам, по которым он в этой мерзости постоянно вздыхает.

Легко увидеть лингвистическое единство слов «достаток», «достояние» и «достоинство» в корневом морфе. Именно так – мягко, но настойчиво через язык у людей идет формирование важного идеологического ориентира. Ведь язык – не только мощная референтная система, аккумулирующей многовековой опыт человечества, он – знаковое орудие воздействия и регуляции (иначе говоря, «люди говорят воздействуя, а точнее, воздействуют говоря») [24, с. 7]).

Еще в XIX веке Э. Дюркгейм в работе «О разделении общественного труда» писал, что идеал – это представление людей о желаемом будущем. Сместив наше внимание на исследования отечественных философов (В.Е. Давидовича, В.П. Бранского и др.) по теории

Таблица 1. Определения некоторых базовых терминов

Термин	Толкование или признаки
Психологическая агрессия	Воздействие, нацеленное на оскорбление, запугивание и формирование зависимости, эксплуатацию, причинение вреда другому человеку, не желающему такого обращения или не информированному о его последствиях [20, с. 88]
Психологическое насилие	Воздействие, принуждающее другого человека к поступкам, не входящим в его намерения; нарушающее индивидуальные границы личности и осуществляемое без согласия и без обеспечения социально-психологической безопасности индивида и его законных прав. Влечет социальный, психологический, физический и материальный ущерб для человека [20, с. 88]
Моральное насилие	Корпус признаков включает неуважение, критику и придирки, завышенные требования, обесценивание и игнорирование чувств и суждений объекта насилия, высмеивание, контроль над его поведением, понижение значимости его достижений, навязывание чувства вины, постоянный страх и напряжение, усталость и слабость (Макаренко И. 10 признаков морального насилия // The Reminder. URL: thereminder.ru/zhizn/instrukcii/10-priznakov-moralnoj-tiranii .)

идеала, отметим, что понятие идеала – это не просто предельное представление – в нем явление совпадает с собственной сущностью. Известно, что абстрактных идеалов не бывает – они всегда конкретны. Среди вечных ценностей (жизни, свободы и справедливости) достоинство представляет наиболее яркий общечеловеческий «стандарт ценности».

Любопытно, что в Конституции СССР 1936 года («сталинской») достоинство вообще не упоминалось. И в 1960-е годы, когда был «рожден» «Моральный кодекс строителя коммунизма» (свод из 12 принципов, в основу которого, как выяснилось позже, были прямо положены заповеди Моисея и Христа), авторы публикации так же старались не писать о праве на достоинство. «Моральный кодекс» даже вошел в тексты III Программы и Устава КПСС, принятых XXII съездом КПСС в 1961 году. Лишь в Конституции СССР 1977 года в ст. 57, касающейся уважения личности, охраны прав и свобод граждан, слово «достоинство» упомянуто вместе с честью в связи с правом на судебную защиту.

В соответствии со ст. 2 действующей в настоящее время Конституции Российской Федерации, человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а защита этих прав и свобод – обязанность государства. Однако реалии общественной жизни свидетельствуют, что системная коррупция как особая, причем весьма изощренная, форма морально-психологического насилия над личностью является тормозом реализации этой конституционной нормы (таблица 2).

Коррупция как особая форма насилия над личностью. Часто в любом акте коррупции конкретный человек сталкивается с насилием «один на один», при этом государственные институты не только не помогают ему, а порой всячески препятствуют. В итоге личность оказывается в глубоком стрессе и вынуждена сама строить свою психологическую защиту. При этом кто-то «уходит в запой» или «садится на иглу», другой начинает вымещать свою внутреннюю злость на близких людях, третий вообще решает на суицид. Ведь, к сожалению, далеко не каждый гражданин в нашей стране искусен в применении различных форм психологической защиты личности [25].

В русской разговорной речи по отношению к потерпевшему лицу, как человеку, не способному приспособиться к изменениям социальной жизни, часто упот-

ребляют обидное слово «лох». На блатном жаргоне его толкуют как «лицо, обиженное хулиганом» [26, с. 322]. В словаре В.И. Даля «лох – разиня, шалопай...» [27, с. 269], а в языке одесских карманников – просто их «клиент» (в переводе с идиша – «дырка»). Однако в любом толковании за этим обидным словом скрывается большая психологическая и моральная травма.

Психологически травмированному человеку важно высказаться. Часто при встрече людей с бытовой коррупцией эта самозащита проявляется в ненормативной лексике: на языке мата люди «посылают» коррупционеров подальше. Здесь нам трудно не согласиться с автором, более 100 лет назад написавшим, что «тот, кто первым на свете обругал своего соплеменника вместо того, чтобы раскрошить ему череп, тем самым заложил основы цивилизации» [Прив. по: 28, с. 109]. Иначе говоря, мат используется нашими соотечественниками как «эмоциональный унитаз», его функция – «стравливание избыточного напряжения».

С начала XX века ученые исследуют ругательство как примитивный акт речи, сравнивая его с рычанием животных. Последнее, как известно, служит свидетельством их раздраженности и информирования других животных, чтобы те сдерживались от каких-либо дальнейших недопустимых действий [35].

К арсеналу аналогичных средств психологической самозащиты личности также следует отнести также весь спектр народного фольклора и юмор [36], в том числе на языке ненормативной лексики. Здесь уместно вспомнить известное изречение Вольтера: «Что сделано смешным, не может быть опасным».

Кроме этих испытанных временем способов, среда Интернета и социальных сетей добавила сегодня огромному числу людей широкие возможности «сброса» их психологического напряжения, обусловленного психологическими травмами от встречи с проявлениями коррупции. Ведь социальные сети уже сформировали индивидуализированное культурное пространство, относительно свободное от принудительной регламентации. Их популярность вызвана острой потребностью человека в общении, его стремлением видеть персонифицированные образы, с которыми можно себя идентифицировать. Сеть – удобное место презентации своего «Я», не зависящее от благосостояния, социального статуса, пола и возраста. Увы, частая не востребуемость в ре-

альности провоцирует людей компенсировать недостаток внимания в виртуальных мирах [37].

Тяга к социальным сетям имеет и физиологическое объяснение. Наш мозг производит дофамин и окситоцин. Первый, как нейромедиатор, отвечает за наши желания, а всякая непредсказуемость лишь стимулирует его выработку. В итоге тяга к репостам, ретвитам и лайкам оказывается у многих людей сильнее пристрастия к алкоголю. Второе вещество – окситоцин – даже называют «гормоном объятий» (он вырабатывается, когда люди обнимаются и целуются). Есть данные, что уже за десять минут пребывания в сетях уровень окситоцина в крови вырастает на 10–15 %, он способствует снижению уровня

стресса, возникновению чувства любви, доверия и сочувствия [38]. Таким образом, современная информатизация общества существенно пополнила арсенал средств психологической самозащиты, в том числе от коррупции.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Отечественная психология пока еще не уделяет достаточного внимания проблеме коррупции как особой формы психологического и морального насилия над личностью, хотя ее исключительная важность вытекает из результатов многочисленных исследований, посвященных политико-социальным и экономико-правовым аспектам феномена коррупции в России.

Таблица 2. Фрагмент анализа воздействия коррупции как изоциренной формы психологического и морального насилия над личностью

Объект	Факторы воздействия, факты и доказательства	Тип коррупции*	Эффекты и травмы	
			психологические	моральные
Возрастная стратификация				
Дети и подростки	Массовое проявление бытовой коррупции в ДОУ, школах, лицеях и колледжах [29]	КБ и КВВБ	Травмы психики, вызывающие разочарование, беспомощность, депрессию и неврозы	Дурные примеры лжи взрослых, обмана, несправедливости, унижения достоинства
Молодежь возраста от 14 до 30 лет	Отсутствие в стране ФЗ «О молодежи», невнятная государственная молодежная политика [30]. Нет системы «социальных лифтов». ЕГЭ даже усилил феномен случайности выбора профессии [31]	КБ, КВВБ, КСС, КВВ	Унижение, доминирование, чувство обмана, отсутствия перспектив, неопределенность в трудоустройстве, неуверенность в завтрашнем дне	Ощущения и проявления несвободы, несправедливости, унижения человеческого достоинства
Экономически активное население	Остры проблемы трудоустройства (в моногородах и на селе) из-за ресурсоориентированной экономики в стране [32]. Отсутствие высокооплачиваемых рабочих мест	КБ, КВВБ, КСС, КВВ	Фрустрация, тревога, страх перед будущим, отчаяние и ощущение безысходности, депрессия и агрессивность	Безработица, попрание права на достойный труд, унижение человеческого достоинства, несправедливость
Экономически неактивное население	Крайне низкий уровень пенсионного обеспечения плюс «игры» власти с пенсионной реформой [33]	КБ и КВВ	Раздражение и обида, душевная боль, печаль, депрессия и страхи	Поправление справедливости, чести и достоинства старшего поколения страны
Профессионально-деловая стратификация				
Инновационно ориентированные граждане страны	Нет ФЗ «Об инновационной деятельности» и внятной инновационной политики. Рост псевдоинноваций, «откатов» и фальшивых диссертаций [34]. На публикации, защиту работ нужны большие деньги	КБ, КВВБ, КСС, КВВ	Ощущение некомпетентности и безответственности властей. Раздражение и возмущение инноваторов, их разочарование и фрустрация	Поправление свободы личности на самореализацию в лоне науки и образования, создания высокотехнологичных продуктов
Представители малого и среднего бизнеса (МСБ)	Доля МСБ в ВВП не растет. На 2017 год Росстат назвал цифру 22 %, в 2018 году она упала до 20,2 %. Всего за год (с 2018 по 2019) число работающих в секторе МСБ снизилось на 217,6 тыс. чел. ²	КБ, КВВБ, КСС, КВВ	Угрозы и поборы, бюрократические игры и произвол «силови́ков» – незаконное похищение предпринимателей в СИЗО, негативная оценка инициатив людей	Ограничение свободы самореализации в бизнесе, попрание достоинства, несправедливость, нанесение ущерба чести и доброму имени

*Аббревиатуры: КБ – коррупция бытовая; КВВБ – коррупция взаимодействия власти и бизнеса; КСС – коррупция судебной системы; КВВ – коррупция верховной власти

² Росстат зафиксировал доли малого бизнеса в экономике // РБК.
URL: rbc.ru/economics/28/01/2020/5e2eda219a79473c798d3692.

Выявлено, что отечественная коррупция травмирует душевное (а вслед за этим и телесное) здоровье абсолютно всех представителей социума – от детей и подростков до лиц пенсионного возраста. Экономически активная часть нашего общества испытывает при этом совместное, весьма агрессивное воздействие всех типов коррупции – от бытовой до идеологической, вызывающее у людей серьезные моральные и психосоматические травмы.

Проведенный анализ обширной выборки научных источников подтвердил, что для купирования этих травм люди часто стихийно используют известный им арсенал средств самозащиты (в виде народного фольклора и психотерапевтического юмора, включая ненормативную лексику), а также инструментарий современных сетевых коммуникаций – социальных сетей. Средства Интернета и современных социальных сетей используются огромным числом людей для «сброса» психологического напряжения, в том числе и для «спасения» от морально-психологических травм, обусловленных их встречей с многочисленными коррупционными проявлениями в жизни.

Однако неизученность коррупции как особой формы насилия и весьма слабая разработка арсенала эффективных средств психологической защиты от нее сужают в настоящее время возможности самозащиты личности.

Мы не разделяем существующее оптимистическое мнение о том, что цифровизация социально-экономической жизни в России способна уничтожить коррупцию и, соответственно, ее «продукт» – психологическое и моральное насилие над личностью. Цифровизация не может стать панацеей от коррупции, ведь борьба с коррупцией – лишь отчасти технологии. Важнее в этом деле правильно выстроены и работающие общественно-политические институты.

Мы разделяем выводы исследователей эффекта контрагизности о том, что пресечение распространения коррупции как болезни требует проявления сильнейшей политической воли, а также однозначного обеспечения верховенства закона для всех и каждого. Однако этого пока в стране нет.

В современной России, испытывающей трудности из-за низких темпов социально-экономического развития, сегодня есть острый запрос на социальный оптимизм, однако взяться ему пока неоткуда. Ведь системная отечественная коррупция и ее «продукт» – психологическое и моральное насилие над личностью – является серьезным препятствием на этом пути. В связи с этим попытка научного осмысления этой актуальной проблемы и выявление путей ее решения представляются авторам статьи своевременным и нужным шагом в сфере перспективных психологических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ардельянова Я.А. Теоретико-методологические подходы к понятию «коррупция» // Идеи и идеалы. 2013. Т. 2. № 3. С. 86–93.
2. Глинкина С.П. Коррупция: фатальная угроза // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М.: ИЭС, 2010. С. 427–455.
3. Решетников М.М. Психология коррупции. Утопия и антиутопия. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа, 2008. 128 с.
4. Добренков В.И., Исправникова Н.Р. Коррупция: современные подходы к исследованию. М.: Академический Проект, 2009. 297 с.
5. Лихолетов В.В., Антипин Е.А. Психологическая компонента в решении проблемы противодействия коррупции // Управление инвестициями и инновациями. 2016. № 4. С. 77–83.
6. Гарифуллин Р.Р. Взяткомания как одна из причин взяточничества: психологический анализ (психологические и психотерапевтические подходы к проблеме взяточничества и взятокмании) // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4. С. 9–14.
7. Christakis N.A., Fowler J.H. Connected: The Surprising Power of Our Social Networks and How They Shape Our Lives. New York: Little, Brown Spark, 2009. 353 p.
8. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Коррупция в современной России: психологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 56–65.
9. Камнева Е.В., Анненкова Н.В. Психологические аспекты феномена коррупции // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2013. № 4. С. 67–71.
10. Гоббс Т. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1962. 583 с.
11. Табатадзе Г.С. Насилие как социальное явление // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2003. № 3. С. 109–116.
12. Кант И. Критика способности суждения. В 6 т. Т. 5. М.: Искусство, 1994. 413 с.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 30 т. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. 907 с.
14. Рагозин Н.П. К критике теории ненасилия: логико-гносеологический и социально-классовый аспекты // Культура и цивилизация. 2018. № 2. С. 77–87.
15. Гусейнов А.А. Насилие // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 14–16.
16. Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 19–27.
17. Гусейнов А.А. Понятие насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 35–41.
18. Sharp Gene. From Dictatorship to Democracy: A conceptual framework for liberation. New York: The New Press, 2012. 160 p.
19. Апресян Р.Г. Этика силы – в противостоянии агрессии и насилию // Вопросы философии. 2010. № 9. С. 143–153.
20. Волков Е.Н. Критерии и признаки психологического ущерба и психологического насилия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2002. № 1. С. 84–95.
21. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, 1997. 344 с.
22. Кабаченко Т.С. Методы психологического воздействия. М.: Педагогическое общество России, 2000. 544 с.
23. Прохоров А.П. Русская модель управления. М.: Журнал «Эксперт», 2002. 376 с.
24. Рудяков А.Н. Язык, или Почему люди говорят: опыт функционального определения естественного языка. М.: ФЛИНТА, 2012. 160 с.
25. Субботина Л.Ю. Психология защитного поведения. Ярославль: Ярославский государственный университет, 2006. 219 с.

26. Мокиенко В.Н., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2001. 717 с.
27. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М.: Русский язык, 1981. 779 с.
28. Бороздина Г.В., Кормнова Н.А. Психология и этика делового общения. М.: Юрайт, 2012. 463 с.
29. Новикова К.Д. Коррупция в сфере образования // Вестник современных исследований. 2019. № 2.19. С. 62–64.
30. Воронов В.Н. Развитие молодежного движения и неформальных объединений молодежи в России // Наука. Общество. Оборона. 2015. № 2. С. 1–7.
31. Ситникова И.В. Современное студенчество: особенности профессионального выбора // Социальная инженерия: как социология меняет мир. М.: ВЦИОМ, 2019. С. 304–308.
32. Иванова Л.К. Развитие моногородов в России и решение проблемы безработицы // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2014. № 4. С. 56–61.
33. Иванов С.Ф. Пенсионная реформа–2019: детерминанты, последствия, альтернативы // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 2. С. 6–54.
34. Лихолетов В.В. Подрыв основ национальной морали коррупционными действиями властных структур страны в инновационной сфере как угроза экономической безопасности России // Проблемы экономической безопасности: глобальные и региональные аспекты. Челябинск: ЮУрГУ, 2018. С. 12–27.
35. Patrick G.T.W. The psychology of profanity // Psychological Review. 1901. Vol 8. № 2. P. 113–127.
36. Житникова Т.Л., Поливанова Е.А. Анекдоты, пословицы и поговорки в помощь психологу в наркологии. М.: Фонд НАН, 2001. 232 с.
37. Живайкина А.А., Кузнецова М.Н. Перспективы использования Интернета при оказании психотерапевтической помощи // Бюллетень. 2017. Т. 7. № 3. С. 630–632.
38. Zak Paul J. Trust Factor: The Science of Creating High-Performance Companies. New York: AMACOM, 2017. 256 p.
39. psychotherapeutic approaches to the problem of bribery and bribemania). *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2012, no. 4, pp. 9–14.
40. Christakis N.A., Fowler J.H. *Connected: The Surprising Power of Our Social Networks and How They Shape Our Lives*. New York, Little, Brown Spark Publ., 2009. 353 p.
41. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. Corruption in Contemporary Russia: the Psychological Aspect. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2012, no. 2, pp. 56–65.
42. Kamneva E.V., Annenkova N.V. Psychological aspects of the phenomenon of corruption. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2013, no. 4, pp. 67–71.
43. Gobbs T. *Izbrannye proizvedeniya* [Featured Works]. Moscow, Mysl Publ., 1962. Vol. 1, 583 p.
44. Tabatadze G.S. Violence as a social phenomenon. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsialnye tekhnologii*, 2003, no. 3, pp. 109–116.
45. Kant I. *Kritika sposobnosti suzheniya* [Criticism of judgment]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994. Vol. 5, 413 p.
46. Marks K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1960. Vol. 23, 907 p.
47. Ragozin N.P. To the criticism of non-violence theory: logical and gnoseological analysis, social classes aspects. *Kultura i tsivilizatsiya*, 2018, no. 2, pp. 77–87.
48. Guseynov A.A. Violence. *New philosophical encyclopedia*. Moscow, Mysl Publ., 2001, pp. 14–16.
49. Guseynov A.A. Is moral justification for violence possible? *Voprosy filosofii*, 2004, no. 3, pp. 19–27.
50. Guseynov A.A. The concept of violence and non-violence. *Voprosy filosofii*, 1994, no. 4, pp. 35–41.
51. Sharp G. *From Dictatorship to Democracy: A conceptual framework for liberation*. New York, The New Press Publ., 2012. 160 p.
52. Apresyan R.G. Ethic of Power in Opposition to Violence and Aggression. *Voprosy filosofii*, 2010, no. 9, pp. 143–153.
53. Volkov E.N. Criteria and evidence of psychological harm and psychological abuse. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye nauk*, 2002, no. 1, pp. 84–95.
54. Dotsenko E.L. *Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and defense]. Moscow, CheRo Publ., 1997. 344 p.
55. Kabachenko T.S. *Metody psikhologicheskogo vozdeystviya* [Methods of psychological pressure]. Moscow, Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii Publ., 2000. 544 p.
56. Prokhorov A.P. *Russkaya model upravleniya* [The Russian management model]. Moscow, Zhurnal “Ekspert” Publ., 2002. 376 p.
57. Rudyakov A.N. *Yazyk, ili Pochemu lyudi govoryat: opyt funktsionalnogo opredeleniya estestvennogo yazyka* [Language, or Why people say: experience of functional definition of natural language]. Moscow, FLINTA Publ., 2012. 160 p.
58. Subbotina L.Yu. *Psikhologiya zashchitnogo povedeniya* [The psychology of protective behavior]. Yaroslavl, Yaroslavskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2006. 219 p.

REFERENCES

1. Ardelyanova Ya.A. Theoretical and methodological approaches to the concept of corruption. *Idey i idealy*, 2013, vol. 2, no. 3, pp. 86–93.
2. Glinkina S.P. Corruption: a Fatal Menace. *Neekonomicheskie grani ekonomiki: nepoznannoe vzaimovliyanie*. Moscow, IES Publ., 2010, pp. 427–455.
3. Reshetnikov M.M. *Psikhologiya korruptsii. Utopiya i antiutopiya* [The psychology of corruption. Utopia and dystopia]. Sankt Petersburg, Vostochno-evropeyskiy institut psikhoanaliza Publ., 2008. 128 p.
4. Dobrenkov V.I., Ispravnikova N.R. *Korruptsiya: sovremennye podkhody k issledovaniyu* [Corruption: modern research approaches]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2009. 297 p.
5. Likholeto V.V., Antipin E.A. The psychological component in the decision problems of counteraction of corruption. *Upravlenie investitsiyami i innovatsiyami*, 2016, no. 4, pp. 77–83.
6. Garifullin R.R. Bribeomania as one of the causes of bribery: psychological analysis (psychological and

26. Mokienko V.N., Nikitina T.G. *Bolshoy slovar russkogo zhargona* [Big dictionary of Russian jargon]. Sankt Petersburg, Norint Publ., 2001. 717 p.
27. Dal V.I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1981. Vol. 2, 779 p.
28. Borozdina G.V., Kormnova N.A. *Psikhologiya i etika delovogo obshcheniya* [Psychology of business communication]. Moscow, Yurayt Publ., 2012. 463 p.
29. Novikova K.D. Corruption in Education. *Vestnik sovremennykh issledovaniy*, 2019, no. 2.19, pp. 62–64.
30. Voronov V.N. The development of the youth movement and informal groups of young people in Russia. *Nauka. Obshchestvo. Oborona*, 2015, no. 2, pp. 1–7.
31. Sitnikova I.V. Modern students: peculiarities of professional choice. *Sotsialnaya inzheneriya: kak sotsiologiya menyaet mir*. Moscow, VTsIOM Publ., 2019, pp. 304–308.
32. Ivanova L.K. Monocities development in Russia and handling a problem of unemployment. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo*, 2014, no. 4, pp. 56–61.
33. Ivanov S.F. Pension reform 2019: determinants, consequences, alternatives. *Demograficheskoe obozrenie*, 2019, vol. 6, no. 2, pp. 6–54.
34. Likholetov V.V. Disruption of the national morality foundations by corrupt actions of the government authorities in the innovation sector as a threat to economic security of Russia. *Problemy ekonomicheskoy bezopasnosti: globalnye i regionalnye aspekty*. Chelyabinsk, YuUrGU Publ., 2018, pp. 12–27.
35. Patrick G.T.W. The psychology of profanity. *Psychological Review*, 1901, vol 8, no. 2, pp. 113–127.
36. Zhitnikova T.L., Polivanova E.A. *Anekdoty, posloviцы i pogovorki v pomoshch psikhologu v narkologii* [Jokes, Proverbs and Sayings as a Help to an Expert in Narcology]. Moscow, Fond NAN Publ., 2001. 232 p.
37. Zhivaykina A.A., Kuznetsova M.N. Prospects for the use of the Internet in the provision of psychotherapeutic care. *Byulleten meditsinskikh internet-konferentsiy*, 2017, vol. 7, no. 3, pp. 630–632.
38. Zak Paul J. *Trust Factor: The Science of Creating High-Performance Companies*. New York, AMACOM Publ., 2017. 256 p.

CORRUPTION AS A SPECIAL FORM OF PSYCHOLOGICAL AND MORAL VIOLENCE AGAINST A PERSON

© 2020

A.G. Abdullin, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, professor of Chair of Theoretical and Applied Psychology
South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk (Russia)
V.V. Likholetov, Doctor of Sciences (Pedagogy), PhD (Engineering), Associate Professor, professor of Chair “Economic Security”
South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk (Russia)

Keywords: corruption; human personality; psychological and moral violence; ideals of freedom, dignity and justice; psychological self-defense of a person.

Abstract: The research focuses on such an area of psychological problems as the psychology of corruption. The purpose of the work is to carry out a primary analysis of corruption as a specific form of psychological and moral violence and to consider its individual and socio-psychological aspects. The biological and psychological, social and cultural aspects of violence are discussed. The authors analyze the problems of corruption as a specific form of psychological and moral violence against a person; consider its individual and socio-psychological aspects. Within the framework of the historical and cultural evolution of the Russian mentality, one can trace how the basic ideals of a human – freedom, honor, and dignity – were institutionally recognized in Russia. The authors analyze the impact of domestic corruption at various levels as a form of psychological and moral violence against representatives of all age and professional business groups of the Russian society: from children and adolescents to retired people, from innovators to entrepreneurs. The spectrum of moral and psychological injuries caused by corruption in the socio-economic life of the country is revealed. Many ways of psychological self-defense of a person are considered, including widely accepted means of folklore, humor and social networks. The psychotherapeutic effect of the latter is being actively studied today by representatives of psychological and medical science. In the course of the analysis of the basic terms of the researched area, a proposal was made about the possibility of starting on their basis a set of promising scientific projects in the field of psychology.